

Г.И. Мусихин

*д.полит.н., профессор, Российский биотехнологический
университет (Москва)*

КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ: ОТ ДИСКУРСОВ К РЕЧЕВЫМ СИТУАЦИЯМ

Аннотация. В статье коммуникация, рассматриваемая в контексте политической символизации, рефлексирована как осуществляемая в различных (и через различные) речевые ситуации. Поэтому коммуникация предстает не только *процессом* развертывания, но и конституирующим элементом *содержания*, политики, т.е. политическая символизация *развивается* (в диалектическом смысле) в коммуникативном взаимодействии, *синтезируя* новые смыслы. Практическое символическое видение коммуникации показывает, что взаимоотношения индивид–коллектив/агент–структура не являются «объективным» системным свойством политики, сама *системность конструируется как механизм коммуникативных практик*, возникающих как взаимодействие акторов и артефактов в пространстве совместной деятельности. Автор фокусирует внимание на *нарративах как структурированных наборах речевых ситуаций*, которые могут иметь письменные и визуальные проявления, что позволяет проследить возникновение, распространение и использование смыслов политической коммуникации. Политические нарративы могут выходить за рамки *фиксированных языковых форм*, приобретая *символизирующее* толкование как образование новых способов *контекстуальной коммуникации*. Акцент на контексте показывает ограниченность дискурс-анализа для понимания политических коммуникаций. *Контекст «не помещается» в дискурс-анализ* как таковой, требуя серьёзных аналитических допущений и оговорок, которые либо критически сокращают точность дискурс-анализа, либо недопустимо упрощают содержание контекста. Принципиальная особенность коммуникации в контексте политики состоит в том, что политическая реальность *одновременно состоит из (и реализуется через) интерактивные процессы*.

Ключевые слова: коммуникация, символ, политическая символизация, дискурс-анализ, речевая ситуация, нарратив, политический порядок, государственное управление.

JEL: H00, Z10, Z18

УДК: 303.01, 32.019.51

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_134_143

© Г.И. Мусихин, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Г.И. Мусихин. Коммуникация в контексте политической символизации: от дискурсов к речевым ситуациям // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 134–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_134_143.

FOR CITATION: Musikhin G. Communication in the Context of Political Symbolization: from Discourses to Speech Situations // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 134–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_134_143.

Введение

Если концептуализировать политическую символизацию как множественность смыслов политической коммуникации, конвенциональность которых заранее не предзадана [Мусихин, 2015а; Мусихин, 2015b], понимание коммуникативного действия в символическом контексте приобретает принципиальную значимость. Для политической символизации коммуникация, осуществляемая в различных (и через различные) речевых ситуациях, является не только *процессом* развёртывания, но и конституирующим элементом *содержания*, т.е. политическая символизация *развивается* (в диалектическом смысле) в коммуникативном взаимодействии, *синтезируя* новые смыслы. Сразу оговорюсь, что я сознательно пользуюсь конструктом «речевая ситуация», а не академически «модным» термином дискурс, так как последний, понимаемый в категориях дискурс-анализа [van Dijk, 2008], не охватывает качественное многообразие речевых ситуаций политической символизации, а будучи истолкованным широко, становится публицистическим термином, не имеющим научной аналитической ценности. В этой связи я не буду придерживаться концептуализации «идеальной речевой ситуации» Юргена Хабермаса [Habermas, 1995. Р. 177]. Для моего исследования более подходит понимание речевой ситуации Жаком Рансьером, «когда один из собеседников сразу и понимает и не понимает, что говорит другой... оба говорят “белое”, но понимают под этим не одно и то же» [Рансьер, 2013. С. 15].

В контексте политической символизации наше понимание социальной жизни носит речевой характер, т.е. мы осмысливаем мир людей не разумом как таковым, мы делаем это на конкретном языке, который для нас родной (или которым мы владеем как родным в момент осмысления). Это не означает, что все человеческие переживания и аффекты в социальном пространстве проговариваются. Однако из-за способности мыслить *символически* они являются *человеческими* переживаниями и аффектами.

Речевая коммуникация конституирует соединение и разобщение в социуме, тем самым демонстрируя, что причинно-следственные связи объектно-субъектных отношений есть редукция многообразия человеческих взаимоотношений к бихевиористской «двухходовке» стимул-реакция. Вместо этого коммуникативный модус политической символизации предполагает процесс образования смыслов, которые производят *конденсированную* в речевых ситуациях *социальную реальность* [Deetz, 2003], где объектно-субъектные связи *не есть* эмпирически зафиксированный *опыт*, а ситуативно истолкованные комплексы *суждений*, которые могут менять не только направленность причинно-следственных связей, но и сам статус субъектов и объектов. Понятое подобным образом речевое взаимодействие не просто описывает социальный порядок и отражает политическую реальность, но и конституирует последнюю¹. Если мы мыслим *политику* как *социальный конструкт*, процессы создания последнего предполагают *язык в качестве центральной конструирующей силы*, синтезирующей *смыслы из суждений*, а не формально-логически выводящую одно значение из другого. В этом смысле показателен старый советский анекдот времен холодной войны: «У вас нет свободы печати!». «А вы негров линчуете!» Отсутствие логической связи между двумя утверждениями в конкретном контексте данной речевой ситуации запускает производство политических суждений об одновременной несовместимости и неидеальности противостоящих политических систем. Хотя с точки зрения чистой семантики у нас здесь реинкарнация пословицы: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

Существование политической символизации в пространстве коллективных суждений (а не в системе семантических значений) предполагает, что такое существование всегда является *практической* коммуникацией. Все явления политической реальности можно трактовать как продолжающиеся интерактивные практики. Такое практическое видение

¹ О конституирующем потенциале дискурсов: [Potter, Wetherell, 1987].

показывает, что взаимоотношения индивид–коллектив/агент–структура не являются «объективным» системным свойством политики, сама *системность конструируется как механизм коммуникативных практик*, возникающих как взаимодействие акторов и артефактов в пространстве совместной деятельности².

Рефлексия политической символизации в терминах чистой каузальности агентов политической коммуникации была бы недопустимым упрощением. Функции последней скорее являются катализатором процессов упорядочивания смыслов, приводя к изменениям направлений осмысления. В этой связи даже институционально позиционированная организация не будет агентом взаимодействия как таковым (даже если её таковым называют). Она скорее есть комплекс ресурсов, способствующий или препятствующий процессам упорядочивания и самоосознания политических сообществ. То есть *социальные практики* можно понимать как *ситуации* (событие, как зафиксированная в социальном пространстве ситуация) [Филиппов, 2015. С. 63–96] материально опосредованной осмысленной деятельности, а не просто как *совокупность* отдельных действий.

Речевая ситуация в контексте политической символизации

Рассмотрение речевых ситуаций в контексте политической символизации подразумевает исследование нарратива [Мусихин, 2024] как паттернов разговоров и текстов, выявление стилистики изложения и форм риторической аргументации [Мусихин, 2016], что позволяет понять конструирование смыслов в зафиксированном контексте. Чаще всего это предполагает исследование разговоров как интерактивного действия, а не просто как передачу информации³. *Нарративы как разговоры* придают существенные особенности речевым ситуациям, создавая *проживаемую* политическую реальность повседневного использования языка как социальную практику⁴.

Фокус на *нарративах как структурированных наборах речевых ситуаций*, которые могут иметь письменные и визуальные проявления, позволяет проследить возникновение, распространение и использование смыслов политической коммуникации. Нарративы как комплексы речевых ситуаций политики могут *агрегироваться* разными способами: речевыми интеракциями или воздействием медиа, например. Формы воздействия (и взаимодействия) могут быть как устными, так и письменными, как вербальными, так и визуальными.

Это свидетельствует о том, что политические нарративы могут выходить за рамки *фиксированных языковых форм*, приобретая *символизирующее* толкование как образование новых способов *контекстуальной коммуникации*. Маркеры контекста (исторические или социально-экономические, например), накладываясь на речевые ситуации, создают направления *конструирования интерпретации* политики её акторами. Происходит формирование своеобразных *интерфейсов речевых ситуаций* в политических нарративах, которые получают институциональную презентацию. Примером последней может служить хорошо известный принцип политической корректности. Последний стал высшей точкой консенсуса элит Запада, формировавшегося после Второй мировой войны. В конце концов данный консенсус, по сути, навязал публичному пространству жёсткие речевые конструкции, выход за рамки которых трактовался как подрыв базового консенсуса, независимо от того, соответствовало «некорректное» суждение действительности или нет. Показательно,

² О теории социальных практик: [Reckwitz, 2002]; об акторно-сетевой теории: [Latour, 2005].

³ О разговоре как действии: [Taylor, Van Every, 2000].

⁴ Об использовании языка в социальном контексте: [Phillips, Oswick, 2012].

что феномен Дональда Трампа стал символом крушения консенсуса элит именно потому, что Трамп позволил себе выйти за рамки интерфейса политической корректности.

Для толкования вышеобозначенных интерфейсов речевых ситуаций в рамках теории критического дискурс-анализа можно выделить подход Нормана Фэркло, который выделяет три элемента комплексного толкования текстов [Fairclough, 1995]. Первый — это фрагменты текстов и разговоров в их непосредственной данности, т.е. непосредственная дискурсивная практика речи. Второй — комплексы текстов и разговоров, позволяющий выяснить способы (жанры) реализации дискурсов. И, наконец, третий — социальный контекст практической реализации первых двух элементов, создающий то, что можно назвать *событиями коммуникации* (термин предлагается мной для анализа речевых ситуаций, Фэркло его не концептуализирует). То есть любое событие коммуникации одновременно включает в себя *элемент* текста как нарратива, *ситуацию* речевой практики и *ситуацию* практики социальной. Всё это одновременно создаёт и ограничивает пространство политической символизации, которая изначально неконвенциональна как открытый сценарий развития, однако приводит к формированию конвенциональных (институционализирующихся) смыслов.

Уровни анализа речевых ситуаций: аналитическая уязвимость дискурса в контексте политической коммуникации

Очевидно, что речевые ситуации не могут быть сведены к однотипным и равноценным единицам анализа нарратива. Символизирующий *эффект масштаба* будет по-разному расставлять смысловые акценты на микро- и макроуровнях анализа. На макроуровне речевые ситуации, как «парадигмы»⁵ понимания в рамках устойчивых социальных групп, формируют смыслы коллективной идентичности и устойчивых общественных практик. В качестве такого макроуровня можно назвать феномен *коллективной памяти*, фиксирующей не столько знание о прошлом, сколько понимание и оценку настоящего с привлечением «фактов» из истории [Мусихин, 2012]. На макроуровне речевых ситуаций политического нарратива можно предположить сильное влияние текущего социального контекста на индивидуальные суждения о политических событиях. Поэтому здесь влияние устоявшихся общих смыслов («очевидного» положения вещей) на индивидуальные оценки и практики будет явным.

Микроуровень речевых ситуаций может показать, как происходит обратное воздействие индивидуальных практик на общие устоявшиеся смыслы. Это воздействие не обязательно меняет «парадигмальные» речевые ситуации, но в любом случае проявит вариативность индивидуальных оценок и взаимодействий, которая делает трансформацию общих смыслов открытым сценарием развития. По сравнению с макроуровнем анализа, микроуровень должен в большей степени концентрироваться на *собственно нарративах*. Общий социальный контекст в данном случае выступает феноменом иного, качественно большего масштаба. Образно говоря, мы можем искать выход из лабиринта, то что мы при этом находимся на планете Земля для собственно поиска не принципиально, хотя и очевидно, что если бы не было Земли, то и поиск был бы бессмысленным.

Таким образом, микроуровень анализа речевых ситуаций можно обозначить как анализ текста зафиксированного нарратива. При переходе на макроуровень зафиксированные на микроуровне тексты определённым образом структурируются, становясь социальным контекстом через синтез нового коллективного смысла.

⁵ Кавычки использованы для того, чтобы не возникло тождества с изначальным смыслом термина «парадигма», введённым Томасом Куном для фиксации конвенций научного знания.

Та или иная фиксация уровней речевых ситуаций особенно чётко показывает аналитическую уязвимость концепта дискурса, столь популярного в исследованиях, связанных с анализом языка политики. Требования дискурс-анализа превращают переход от одного уровня речевой ситуации на другой в непреодолимое препятствие для корректного исследования дискурсов. Образно говоря, график, построенный в одной системе координат, переносится в другую, что недопустимо с точки зрения отслеживания функциональной закономерности. Эта очевидная аналитическая сложность ведёт к тому, что *дискурс-анализ, не отрицая наличия макроуровня, всё же тяготеет к микроуровню анализа* [Kuhn, 2012].

Не меньшую сложность для исследования дискурсов представляет понятие контекста вообще и социально-политического контекста в частности. Фэркло признаёт, что концепция контекста является открытой проблемой дискурс-анализа с точки зрения аналитической когерентности [Chouliaraki, Fairclough, 2010. P. 1216]. Контекст «не помещается» в дискурс-анализ как таковой, требуя серьёзных аналитических допущений и оговорок, которые либо критически сокращают точность дискурс-анализа, либо недопустимо упрощают содержание контекста. В этом смысле конструкция *речевой ситуации*, понятой в контексте политической символизации, представляет очевидную теоретико-аналитическую ценность.

Для политической символизации извечный вопрос о курице и яйце (что первично, социально структурированная модель политических смыслов и значений или ситуативно складывающаяся речевая ситуация) не является принципиальным. В случае с политической символизацией метафора эволюции бессмысленна (т.е. ошибочна). Политическая символизация не эволюционирует, а развивается. Новое качество (появление смысла) возникает из существующего массива знания тех, кто им обладает. Однако акт возникновения не является результатом конвенции коммуницирующих, но сам выступает основой нового соглашения о смыслах. Символы, будучи посредниками между объектами и субъектами, способными поменять те и другие места, обладают благодаря этому способностью быть *почти* идентичными с действительностью, но самой действительностью не являясь. Это и есть тот «зазор», *производящий новые социальные смыслы*, так как мы можем посмотреть на социальную реальность и изнутри, и со стороны, символически отождествляя себя с ней и абстрагируясь от неё же [Мусихин, 2015b].

Рассмотрение речевых ситуаций в контексте политической символизации помогает ослабить критичное для дискурс-анализа «символическое пренебрежение» *материальным* модусом политики⁶. Неспособность дискурс-анализа зафиксировать материальность политики как таковую ведёт к тому, что он крайне уязвим в объяснении институциональной стабильности и преемственности властных отношений. По сути дела, имеет место уязвимость дискурс-анализа при переходе от *микроуровня смыслов* к *макроуровню социальной организации*. Акцент концепции дискурсов на текстах как таковых в значительной степени является *исключающим* по отношению к реальным политическим акторам и организациям в понимании того, как происходят политические изменения и почему сохраняется политическая стабильность [O'Mahoney, 2012].

Выше обозначенная уязвимость концепции дискурса в сфере взаимодействия символического и материального во многом является следствием имплицитного *софизма* методологии дискурс-анализа в контексте политики. Будучи изначально способом постижения смыслов политики (которые в контексте политической символизации развиваются как взаимодействие *суждений*), дискурс-анализ в своем конкретном воплощении сосредотачивается на семантическом анализе языковых *значений и их объяснений*, теряя тем самым изначальную герменевтическую нацеленность на *смыслы и их понимание*. Последние,

⁶ Подробнее об игнорировании дискурс-анализом материальных элементов: [Ashcraft, Kuhn, Cooren, 2009].

впрочем, «волшебным» образом вновь появляются в выводах по итогам дискурс-анализа. Однако «волшебство» оказывается закавыченным, так как имеет место подмена понятий в ходе анализа. Одним из результатов такой подмены оказывается потеря материальной составляющей политической реальности.

В контексте политической символизации мы говорим не о языке как таковом и не о мышлении как таковом, здесь имеют место политические акторы, наделённые способностью к символическому мышлению, которое есть реальность *конкретного* языка (и никак иначе). Для таких акторов онтологическое разделение речевых и не-речевых элементов политики не является принципиальным (хотя и фиксируется в реальности). Коммуникация подобных акторов наделена способностью снимать оппозицию означаемого и означающего (объекта и предмета). Для них (акторов) речевые ситуации в контексте политики могут *быть* самой реальностью, производящей новые смыслы, и могут *быть отражением* материальной реальности, имеющей автономную (объективную) логику развития. Принципиально то, что и одно, и другое создает политическую реальность, генерализованную в смыслах, и речевые ситуации способны характеризовать то, что данные смыслы могут быть *непредвиденными* (семантика и строгий дискурс-анализ зафиксировуют здесь только разрыв в последовательности значений).

Подавляющее число аналитиков констатировало, что избирательная кампания Камалы Харрис была *убедительнее*, чем у Дональда Трампа. Однако политическая реальность состояла в том, что Харрис не смогла *убедить* большинство избирателей. Последовательный дискурс-анализ не способен дать ответ на вопрос, почему это произошло. Столь же сложную задачу для дискурс-анализа представляют и современные информационные войны [Медушевский, 2023а, Медушевский 2023b].

Коммуникация: от передачи информации к производству политических смыслов

Сложность теоретической рефлексии коммуникации в контексте политической символизации состоит в том, что понимание коммуникации «оккупировано» её широко распространёнными частными проявлениями: современными медиа, интернетом и связанным с последним сетевым взаимодействием. В рамках такого понимания коммуникации происходит передача информации, её поиск и потребление. Это ведёт к тому, что само содержание передаваемой информации не проблематизируется и в принципе является гомогенным. Поэтому всё внимание сосредотачивается на отправителях информации, её получателях и средствах связи. Такая коммуникация характеризуется объёмом информации, её точностью и эффективностью передачи. В таком контексте сетевое взаимодействие оказывается не более, чем механизмом поиска и фильтрации информации.

Принципиальная недостаточность вышеописанного понимания коммуникации в том, что такая коммуникация лучше или хуже *передаёт* смыслы, но не *производит* их. Человеческая речь с точки зрения чистой информационной коммуникации проходит, как минимум, два пункта кодирования-декодирования. Сначала мысль кодируется в речь (и/или визуальный образ), передаётся, а потом декодируется в ходе получения в другую мысль, воспроизводящую смысл переданного. Здесь имплицитно предполагается, что коммуникация есть инструмент более глубоких значений и структур мышления как такового, которые *каким-то образом* (вот только каким?) «сканируют» действительность, извлекают уроки, делают выводы, принимают решения, и только потом используют коммуникацию как механизм передачи информации.

Однако в контексте политической символизации акторы политики мыслят только на *конкретном* языке. Поэтому сама коммуникация акторов, наделённых способностью

символического мышления, чревата производством нового смысла. Т.е. коммуникация самым фактом своего существования (точнее — осуществления) способна задавать последовательность действий (точнее — взаимодействий) политических акторов, она не только происходит в определённом контексте, она способна его изменять, а значит, создавать, производя новое качество взаимодействий с течением времени⁷. В этом смысле *интеракцию* можно интерпретировать как взаимодействие, производящее социальную реальность через *генерализацию* символов и смыслов. Из существующих определений коммуникации наиболее адекватным политической символизации является следующее: «*продолжающийся, динамичный, интерактивный процесс манипулирования символами, ведущий к созданию, обслуживанию, уничтожения и/или трансформации смыслов, который аксиален — не перифериен — организованному существованию и организации явлений*» [Ashcraft, Kuhn, Cooren, 2009. P. 22].

Согласно такому подходу, коммуникация не только является *атрибутом* политической организации, коммуникация становится самым *процессом* организации политической *реальности*. В связи с этим акцент в фиксации такой организации следует делать не на структурных, системных или институциональных элементах, а на процессах *производства смыслов* политики. Образно говоря, в первом случае мы пытаемся выдать «фотографию» политики за саму политику, во втором, мы признаём динамический характер политической реальности, частью которой являются суждения (как социальные практики) по поводу её «видеосъёмки».

Коммуникация в контексте политической символизации способна *выходить за рамки* собственно символического в логике первого диалектического отрицания. Коммуникация как креативный процесс способна производить *материальные* последствия, если вспомнить знаменитое высказывание Карла Маркса об идее, которая овладевает массами и становится материальной силой. В свою очередь, материальные последствия коммуникации снимают (как отрицание отрицания) разделение между материальным и социальным в политической *реальности*, организующейся через коммуникацию, устанавливающую систему убеждений и представлений, которые «правят», упорядочивая реальный мир.

Можно утверждать, что диссоциация и беспорядок являются непременным органическим атрибутом политической коммуникации как процесса, направленного на конвергенцию и установление *порядка*. В данном случае это не *хаос*, из которого рождается порядок, это символический *логос* как специфический порядок, включающий в себя снимаемый момент хаоса. Установление политического порядка как процесса постоянной коммуникации всегда несёт в себе элемент неопределённости, двусмысленности, разобщённости и напряжённости. И у обозначенных качеств политической коммуникации *нет положительного смысла* в процессе непосредственного коллективного толкования. Положительные *последствия* могут иметь новые *суждения* (как поиск решения), вызванные данным толкованием и ведущие к *реальному* улучшению политической ситуации. Поэтому знаменитое «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» получает положительное звучание либо постфактум, когда «роковые минуты» остались позади, либо как имплицитная надежда на «светлое будущее», либо как благодарная память потомков. Логика различия в развитии политической коммуникации конструирует политические события как дискретный и зачастую идиосинкратический процесс, который содержит в себе *потенциал* конституирования политического порядка, но не сам порядок.

⁷ О производительной способности коммуникации: [Jian, Schmisser, Fairhurst, 2008].

Заключение: политическая символизация как синтез речевых ситуаций и коммуникаций

Понятая обозначенным выше образом коммуникация будет взаимодействовать с речевыми ситуациями политики *диалектико-символическим*, а не формально-логическим образом. Если оставаться в рамках последнего подхода, то мы либо констатируем отсутствие логически объяснимого взаимодействия между коммуникацией и речевой ситуацией, либо будем использовать хорошо известный метод «прокрустова ложа», что недопустимо обеднит коммуникативные проявления речевых ситуаций. Первый подход позволяет видеть взаимодействие коммуникации и речевой ситуации в политическом контексте как развивающийся (а не просто изменяющийся) процесс, в ходе которого могут меняться акценты, преодолеваются оппозиции парных категорий и возникать новое качество взаимодействия. Если исходить из диалектико-символического взаимодействия/соотношения речевой ситуации и коммуникации, то они могут быть идентичны, разделены как часть и целое (элемент в процессе) и вступать в символический симбиоз.

Идентичность речевой ситуации и коммуникации очевидным образом проявляется в разговоре лицом к лицу, когда сама ситуация беседы/диалога является коммуникацией говорящих/слушающих. Форму, вид и структуру таких разговоров можно исследовать как коммуникативное взаимодействие и как речевую ситуацию по факту. Разделение коммуникации и речевой ситуации в данном случае аналитически излишне. Создание смыслов происходит в процессе самого разговора как речевого акта⁸.

О соотношении коммуникации и речевой ситуации как *процесса*, включающего в себя передаваемые *элементы* [Jian, Schmisser, Fairhurst, 2008. Р. 314], можно говорить в контексте современных медиа (в части традиционных СМИ, прежде всего телевидения). Однако даже в этом случае разделённый характер коммуникации и речевой ситуации начинает размываться. Будучи ресурсом коммуникации, речевые ситуации, создавая и ограничивая возможности для взаимодействия, влияют на сам характер коммуникации даже в такой технологизированной форме, как телевизионный репортаж (если последний от начала и до конца является постановочным конструктом, то он уже не является репортажем, хотя и может выдаваться за таковой).

В политическом контексте процесс коммуникации, осуществляемый через речевые ситуации, может трансформироваться путём «рокировки» вышеназванных элементов. Сутью общения может стать речевая ситуация как таковая, и уже коммуникация будет выполнять подчинённую роль медиатора. «Крымнаш» в данном случае может быть ярким примером. Здесь проявляется *символический симбиоз* коммуникации и речевой ситуации. Сложность взаимодействия ведёт к тому, что два этих элемента/процесса нельзя считать синонимами, однако характер их взаимодействия таков, что они «перетекают» друг в друга, создавая символизирующую политическую реальность. Политическое послание может отождествляться не только с произносящим его политиком, но и с организацией и даже страной. В эмпирической действительности данного тождества нет, но в символизирующейся политической реальности это есть и обладает большей явленностью, чем эмпирическое отсутствие тождества. Важное политическое послание (отдельный вопрос — причина его важности) становится конструктом, включающим в себя речевую ситуацию и коммуникацию как снятые (но не исчезнувшие) элементы символического сообщения и символического ответа. Возникает *коммуникативная речевая ситуация неконвенционального коллективного самоосознания, создающего конвенцию*.

Можно сказать, что речевые ситуации и коммуникации, понятые как социальные практики, обладают способностью воспроизводить или производить политику как

⁸ Об идентичности коммуникации и речевого акта: [Larson, Pepper, 2003].

упорядоченную и одновременно динамическую реальность. Такое практическое понимание позволяет находить политические смыслы не столько «внутри» людей и даже организаций, сколько конструировать их как длящиеся динамические продукты коллективных толкований. Тем самым мы *избавляемся* от «мистических крайностей» объяснения политики либо как того, что происходит в *головах* людей, либо как того, что происходит за *закрытыми* дверями властных кабинетов. И то и другое в политической реальности имеет место, однако может быть понято в эксплицитных терминах речевых ситуаций и коммуникации. Так, попытки власть имущих уйти от обсуждения важных тем могут помочь реконструкции понимания того, что происходит за закрытыми дверями властных кабинетов. То есть *язык* и *коммуникация* не являются инверсивными имиджевыми инструментами политики (и политиков), они (язык и коммуникация) есть *потенциал*, создающий *возможность* преодоления дуализма между структурным/организационным и процессуальным/деятельностным модусами политической реальности.

Политическая реальность может быть понята как проявляющаяся в речевых практиках (которые *не* обязательно есть *дискурсы*) и смыслах, которые (практики и смыслы) акторы конструируют в логике того, что они считают *порядком* (или его демонтажом). Такой порядок, а точнее — *упорядочивание* (и/или обратный процесс) является динамическим конструктом, порождающим новые коллективные толкования (всегда несущие в себе потенциал оспаривания) того, что создано, представлено и изменено в политической реальности [Deetz, Simpson, 2004]. Иными словами, непредсказуемость политики не является препятствием для её понимания.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Медушевский А.Н. (2023a). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. I. [Medushevskiy A. (2023a). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 85–98.
- Медушевский А.Н. (2023b). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования Ч. II [Medushevskiy A. (2023b). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 92–107.
- Мусихин Г.И. (2012). Идеология и история [Musikhin G.I. (2012). Ideology and history] // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 134–146.
- Мусихин Г.И. (2015a). Концептуализация политической символизации [Musikhin G.I. (2015a). The Conceptualization of Political Symbolization] // *Полис. Политические исследования*. №5. С. 130–144.
- Мусихин Г.И. (2015b). Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка [Musikhin G.I. (2015b). Symbolization as a Contextual Synthesis of Political Ontology, Political Epistemology, and Political Language] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 45–57.
- Мусихин Г.И. (2016). Политическая риторика как квазисимволизация? [Musikhin G.I. (2016). Political Rhetoric as a Quasi-Symbolization?] // *Социологическое обозрение*. Т. 15. № 2. С. 140–160.
- Мусихин Г.И. (2024). Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации [Musikhin G.I. (2024). Narrative as a semantic element of political symbolization] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 116–133.
- Рансьер Ж. (2013). *Несогласие: Политика и философия* [Rancière J. (2013). Disagreement: Politics and Philosophy]. — СПб.: Machina.
- Филиппов А.Ф. (2015). *Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы*. Т. 2 [Filippov A.F. (2015). Sociologia: observations, experiments, prospects. Vol. 2]. — СПб.: Владимир Даль.
- Ashcraft K.L., Kuhn T., Cooren F. (2009). Constitutional Amendments: «Materializing» Organizational Communication // *The Academy of Management Annals*. Vol. 3 / A. Brief, J. Walsh (eds). — New York: Routledge. Pp. 1–64.
- Chouliaraki L., Fairclough N. (2010). Critical Discourse Analysis in Organizational Studies: Towards an Integrationist Methodology // *Journal of Management Studies*. No. 47. Pp. 1213–1218.
- Deetz S. (2003). Reclaiming the Legacy of the Linguistic Turn // *Organization*. No. 10. Pp. 421–429.
- Deetz S., Simpson J.L. (2004). Critical Organizational Dialogue: Open Formation and the Demand Of “Otherness” // *Dialogue: Theorizing Difference in Communication Studies* / R. Anderson, L. Baxter, L.K. Cissna (eds). — CA: Thousand Oaks. Pp. 141–158.

- Dijk van T. (2008). *Discourse and Power*. — New York: Palgrave Macmillan.
- Fairclough N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. — London: Longman.
- Habermas J. (1995). *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. — Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Jian G., Schmisseeur A. M., Fairhurst G. T. (2008). Organizational Discourse and Communication: The Progeny of Proteus // *Discourse and Communication*. No. 2. Pp. 299–320.
- Kuhn T. (2012). Negotiating the Micro-Macro Divide: Communicative Thought Leadership for Theorizing Organization // *Management Communication Quarterly*. No. 26. Pp. 543–584.
- Larson G. S., Pepper G. L. (2003). Strategies for Managing Multiple Identifications: A Case of Competing Identities // *Management Communication Quarterly*. No. 16. Pp. 528–557.
- Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. — N.Y.: Oxford University Press.
- O'Mahoney J. (2012). Embracing Essentialism: A Realist Critique of Resistance to Discursive Power // *Organization*. No. 19. Pp. 723–741.
- Phillips N., Oswick C. (2012). Organizational Discourse: Domains, Debates, and Directions // *The Academy of Management Annals*. No. 6. Pp. 435–481.
- Potter J., Wetherell M. (1987). *Discourse and Social Psychology*. — London: Sage.
- Reckwitz A. (2002). Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing // *European Journal of Social Theory*. No. 5. Pp. 243–263.
- Taylor J. R., Van Every E. J. (2000). *The Emergent Organization: Communication as its Site and Surface*. — Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

Мусихин Глеб Иванович

glebmus@yandex.ru

Gleb Musikhin

Doctor of Science (Political Science), Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Russian Biotechnological University
glebmus@yandex.ru

COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL SYMBOLIZATION: FROM DISCOURSES TO SPEECH SITUATIONS

Abstract. In the article, communication, considered in the context of political symbolization, is reflected as being carried out in various (and through various) speech situations. Communication is not only a process of unfolding, but also a constituent element of content and politics, i.e. political symbolization develops (in the dialectical sense) in communicative interaction, synthesizing new meanings. The practical symbolic vision of communication shows that the individual-collective/agent-structure relationship is not an “objective” systemic property of politics. Consistency itself is constructed as a mechanism of communicative practices that arise as an interaction of actors and artifacts in the space of joint activity. The author focuses on narratives as structured sets of speech situations that can have written and visual manifestations, which makes it possible to trace the emergence, spread and use of the meanings of political communication. Political narratives can go beyond fixed linguistic forms, acquiring symbolic interpretation as the formation of new ways of contextual communication. The emphasis on context shows the limitations of discourse analysis for understanding political communications. The context “does not fit” into discourse analysis as such, requiring serious analytical assumptions that either critically reduce the accuracy of discourse analysis or unacceptably simplify the content of the context. The fundamental feature of communication in the context of politics is that political reality simultaneously consists of (and is realized through) interactive processes.

Keywords: communication, symbol, political symbolization, discourse analysis, speech situation, narrative, political order, public administration.

JEL: H00, Z10, Z18.